

Б. В. Малиновский

Никопольский филиал

Одесской национальной юридической академии

**ВОЕННАЯ ПОМОЩЬ
ЦЕНТРАЛЬНЫХ ДЕРЖАВ УКРАИНЕ
(переговоры в Бресте, февраль 1918 г.)**

Розглянутий хід переговорів у Бресті між представниками УНР та Австро-Угорщини і Німеччини щодо надання УНР військової допомоги у війні з радянською Росією.

В декабре 1917 г. началась война между УНР и советскими республиками Украины и России. Подконтрольная Центральной Раде территория быстро сокращалась. 19 января 1918 г. верные ей части оставили Полтаву, между 27 и 31 января – Николаев, Одессу, Херсон и Винницу. 1 февраля – Чернигов. Утром 8 февраля после недели боев остатки армии УНР (около 3 тыс. чел.) отступили из Киева. Правительство и часть членов Центральной Рады по железной дороге эвакуировались сначала в Житомир, оттуда – во Владимир-Волынский и затем в Сарны. Располагая мизерными силами, оказавшись в тисках между большевизированными частями бывшего германского фронта и захватившей Киев армией М. Муравьева, лидеры УНР решили принять военную помощь от Центральных держав – как единственную альтернативу гибели или изгнанию.

Возможно, на самом деле ситуация не была безвыходной. Ретроспективно оценивая шансы армии УНР на успех, современный историк считает их достаточно высокими: отряды Муравьева в Кишло, охваченные деморализацией, быстро теряли боеспособность; солдаты на фронте (предположительно) должны были симпатизировать заключившему мир с Германией правительству УНР больше, чем советским властям, официально продолжавшим войну; небольшое, но сплоченное войско УНР было готово к нанесению контрудара¹. Так или иначе, руководство УНР поступило, как считало лучше.

Хорошо известно, какие последствия имел этот шаг для Украины и, в меньшей степени, для Центральных держав.

В то же время обстоятельства появления в Украине войск Центральных держав еще не становились предметом отдельного исследования. В диссертациях П. Притуляка и В. Коваля, монографиях П. Боровского, О. Федишина, В. Биля² вкратце освещены ключевые моменты и результаты этих переговоров. Цель нашей работы – систематизировать сведения о ходе переговоров, имеющиеся в опубликованных документах и воспоминаниях, и на этой основе попытаться восстановить последовательность решений и действий сторон.

С украинской стороны в переговорах по поводу предоставления военной помощи участвовали А. Севрюк, Н. Любинский, Н. Левитский (члены мирной делегации УНР), Н. Зализняк и П. Плевако (консультанты делегации, уполномоченные ею участвовать в переговорах); со стороны Австро-Венгрии – министр иностранных дел О. Чернин, сотрудник МИД Ф. Визнер и член австро-венгерской военной миссии на переговорах в Бресте майор Э. Глейзе; со стороны Германии – представитель верховного командования на переговорах в Бресте генерал М. Гофман, статс-секретарь внешнеполитического ведомства Р. Кюльман, ряд его подчинённых. Севрюк, Любинский, Зализняк, Чернин, Визнер, Глейзе, Гофман и Кюльман оставили воспоминания о переговорах в Бресте³.

По свидетельствам Севрюка и Любинского, до 9 февраля 1918 г. вопрос о военной помощи на конференции в Бресте не поднимался, во время визитов делегатов УНР в Киев об этом с ними также не говорили⁴.

Вместе с тем мысль об обращении за военной поддержкой возникла у руководства УНР по меньшей мере ещё в январе 1918 г. Обсуждались три возможных варианта. Первый – добиться формирования частей из украинцев, находившихся в германских лагерях для военнопленных. Гофман несколько раз возвращался к этому вопросу в беседах с украинскими представителями (Любинский: генерал Гофман, «желая ускорить наши мирные переговоры часто нам напоминал о 45–70 тысячах пленных, которые находятся в Германии и могут после подписания мира выступить организованной силой в защиту свободы Украины»⁵). Второй вариант – пригласить в Украину

Легион сечевых стрельцов или другие украинские части, состоявшие на службе Австро-Венгрии. Севрюк в январе 1918 г. во время остановки украинской делегации по пути из Бреста в Киев во Львове попросил В. Панейко «добиваться помощи [силами] УСС»⁶. Третий вариант – помощь собственно австро-венгерскими и (или) германскими войсками. На одном из совещаний высшего командного состава и политического руководства УНР, по воспоминаниям генерала А. Грекова, «Грушевский, совершенно подавленный неприглядным состоянием дел, в продолжительной речи аргументированно и категорично заявил, что при тех обстоятельствах [...] нет никакой возможности обойтись собственными силами, а надо искать сильного союзника, в чьих интересах было бы помочь нам. Понятно, что он подразумевал под этим немцев, хотя и не называл их»⁷.

В свою очередь в Германии допускали возможность предоставления помощи УНР⁸.

Церемония подписания мирного договора между УНР и Центральными державами состоялась в цитадели Брестской крепости в субботу 9 февраля (н.ст.) 1918 г. между 1 час 30 мин и 2 час 20 мин⁹.

Консультации по вопросу о военной помощи были начаты днём 9-го или, самое позднее, 10 февраля¹⁰. Инициатором выступила украинская сторона. Соответствующее поручение члены делегации УНР получили, вероятно, от председателя Совета народных министров (СНМ) УНР В. Голубовича, приехавшего в Брест накануне заключения мира¹¹.

На первом этапе предметом переговоров (точнее, предварительного выяснения) было формирование и переброска в Украину частей из военнопленных, поставки оружия; с представителями Австро-Венгрии говорили также об отправке в Украину Легиона сечевых стрельцов и других украинских частей, сосредоточенных в то время на Итальянском фронте. Рассматривать возможность ввода в Украину германских, австрийских или венгерских войск украинские дипломаты отказались. Согласно донесению Визнера в МИД от 11 февраля 1918 г., Севрюк «охарактеризовал этот вопрос как в данный момент совершенно неактуальный, обсуждаемый в кругу украинских делегатов сугубо теоретически»¹².

Тем не менее Севрюк и его коллеги по делегации обратились с этим вопросом к австро-венгерским и германским дипломатам, те заявили, что вопрос о военной помощи вне их компетенции. 10 февраля Визнер передал Зализняку официальный документ с рекомендацией обратиться к Глейзе¹³. Обсуждение как с Гоффманом, так и с Глейзе определённых результатов не дало. Оба избегали однозначных ответов. Гоффман заявил, что он считает реальным создание частей из военнопленных, согласен предоставить УНР оружие (в долг). Но в тоже время указал на ряд трудностей – военнопленных, занятых на полевых работах и в промышленности, будет сложно заменить, поэтому численность формируемых из них частей будет гораздо меньше чем 40–70 тыс., о которых шла речь в январе, артиллерию должны сопровождать германские инструкторы, «лошадей он совсем не даст, поскольку их у немцев в обрез», наконец, акция потребует на подготовку не менее двух месяцев. Глейзе утверждал, что Австро-Венгрии времени понадобится ещё больше – до шести месяцев, кроме того он вызвал раздражение собеседников тем, что вместо принципиального согласия или отказа стал требовать военные и топографические данные¹⁴.

Украинские представители старались скрыть от партнеров по переговорам катастрофичность военных неудач УНР. Севрюк заверил Визнера (донесение последнего в МИД от 11 февраля), что армия УНР способна самостоятельно вернуть столицу и справиться с силами большевиков в Украине; консультации же по вопросу о военной помощи, как утверждал он, скорее связаны с демобилизацией российских войск, о которой 10 февраля заявил в Бресте Троцкий, и угрозой их привлечения к боевым действиям в Украине. Одновременно Севрюк попытался сыграть на страхах союзников перед происками Антанты, заявляя, что действующие против Рады формирования на вербованы и вооружены французскими и английскими агентами из числа «предельно низко павших и лишенных средств к существованию элементов»¹⁵. Это заявление Севрюка было, очевидно, согласовано с правительством или инспирировано им (см. далее – реплика Порша о «роли Антанты» на заседании СНМ 12 февраля).

Перелом в переговорах произошел после 10 февраля и был связан со знаменитым демаршем Л. Троцкого¹⁶.

Перед руководством Германии встал вопрос, как реагировать на это заявление. Были выработаны две противоположные позиции. Верховное командование (П. Гинденбург, Э. Людендорф, в Бресте – Гофман) требовало наступать на Восточном фронте, дипломаты – оставить всё как есть. Те и другие при этом исходили из необходимости быстро решить проблемы на Востоке, чтобы ничто не мешало готовиться к решающему сражению на Западе.

План командования был таков: обрушив на Россию и Украину всю мощь германского Восточного фронта, заставить большевиков подписать мир (или, возможно, заменить их более умеренным правительством) и затем быстро перебросить войска на Запад. Успех акции позволял сохранить УНР как торгового и политического партнера, обеспечить мир с Румынией, закрепиться в Прибалтике, пресечь распространение подрывных идей в Германии, заручиться симпатиями «лучших слоёв [населения] России», помочь Антанте утвердиться в России. Для удара по Антанте нужна определенность в Восточной Европе – в этом заключалась суть позиции военных.

Кюльман и другие члены правительства, наоборот, советовали ничего не предпринимать, сохраняя на Востоке неясность. Доводам военных они противопоставили свои аргументы: мир с советами – слабая гарантия, к власти Петрограде могут прийти правые силы, Германия своим вторжением только поднимет авторитет этих сил, российское общество перед лицом внешней угрозы консолидируется на почве национализма, враждебность к Германии возрастет; УНР просит непрямую помощь, в Украине представление о немцах как о врагах сделает прямую поддержку Раде со стороны Германии «даром данайцев»; революционных настроений в Германии антисоветская акция не уменьшит, наоборот, сочувствие к большевикам, как жертвам агрессии, возрастет; население Германии, обрадованное миром на Востоке, новый виток войны встретит с негодованием; возникнут проблемы в рейхстаге; войска могут увязнуть в России; Австро-Венгрия против продолжения войны, союз с ней может распасться. Сторонники этой позиции предлагали начинать наступление на Западе, не беспокоясь о России, поскольку угрозы в военном отношении она уже не представляет¹⁷.

Военное руководство Германии эти соображения не убедили. Командование настаивало на том, что наступление должно состояться и обязательно охватить Украину. В телеграмме Гинденбурга канцлеру от 11 февраля 1918 г. говорилось: «Наша заинтересованность в том, чтобы Украина одержала верх, настолько велика в связи с положением с продовольствием у нас и у союзников, что мы должны оставаться наготове к оказанию помощи Украине. На карту поставлена возможность решения исхода войны на Западе»¹⁸.

Игнорируя сомнения дипломатов и не дожидаясь решения императора, командование после 10 февраля попыталось договориться с украинской делегацией о прямой военной помощи. То обстоятельство, что Украина хотя и просила о военной помощи, определённо не хотела видеть на своей территории собственно германские войска, теперь представляло для военных серьёзную сложность. После 10 февраля Гофман оказывает давление на украинских представителей в Бресте, стремясь добиться от них согласия на ввод в Украину германских частей¹⁹.

Украинские представители пытались найти поддержку в лице германских и австро-венгерских дипломатов и сыграть на противоречиях между Германией и Австро-Венгрией.

Консультации с дипломатами ни к чему конкретному не привели – Чернин и Кюльман через своих представителей посоветовали членам делегации УНР «всеми силами воздерживаться от приглашения войска», один из них даже напомнил, что «немцы очень любят долго оставаться в той стране, в которую приходят, и что население этой страны никогда не выражает радости по поводу их пребывания»²⁰. Разумеется, – отмечал Любинский, – украинская делегация и сама понимала это очень хорошо.

Контакты с австро-венгерским командованием казались перспективнее. Монархия имела уже готовые части из украинцев, отличавшиеся к тому же патриотизмом и высокими боевыми качествами. Кроме того, она сама постаралась в обход Германии закрепить за собой приоритет в переговорах о помощи УНР. Визнер в беседе с Северюком (не позже 11 февраля) прямо заявил ему, что для его страны было бы выгодно договариваться о непосредственной военной помощи (если правительство УНР решиться на это) со своей соседкой

Австро-Венгрией, тогда как «исключительно или преимущественно германская военная помощь» не соответствовала интересам Украины²¹. В то же время Австро-Венгрия медлила с однозначным ответом²².

В этих условиях (давление со стороны Гофмана и неясная позиция Австро-Венгрии) украинская делегация запросила четкие инструкции у своего правительства («звать только пленных или можно согласиться на ввод чужого войска?»²³). Переговоры по телеграфу с Житомиром, где в то время находилось правительство УНР и часть членов Малой Рады, затянулись – делегация получала «неудовлетворяющие условные ответы»²⁴.

На заседании СНМ 12 февраля 1918 г. было, наконец, принято определенное решение – во-первых, делегация в Бресте получала полномочия прекратить зондаж и прямо просить о помощи, во-вторых, была определена форма этой помощи. Вечером того же дня СНМ утвердил подготовленный Н. Поршем проект «отношения по поводу в Брест» (трудно сказать, был ли проект инструкцией членам делегации, поскольку текст в архивах не обнаружен), а на следующий день (13 февраля) одобрил проект ноты в адрес Централыных держав (текст тоже неизвестен)²⁵.

На заседании СНМ 12 февраля 1918 г. присутствовали пять министров: В. Голубович (председатель СНМ и одновременно глава МИД), М. Ткаченко (юстиция и, по совместительству, финансы), Г. Сидоренко (связь), Н. Порш (военные дела – до 11 февраля), А. Жуковский (военные дела – с 11 февраля), на заседании 13 февраля – кроме этих пяти также П. Христюк (МВД) и председатель Централыной Рады М. Грушевский.

14 февраля Малая Рада по просьбе Голубовича представила правительству полномочия для принятия «мер по борьбе с анархией и установлению порядка в Украине», а также право заключать в этих целях соглашения с другими государствами²⁶. На этом заседании Малой Рады присутствовали четырнадцать ее членов. Таким образом, решение о вводе войск Централыных держав, формально вполне легитимное (санкционированное законодательным органом), было принято при участии очень ограниченного круга лиц. «Подавляющее большинство Ц[ентралыной] Рады ничего не знало о приглаше-

нии немцев, только 3–4 министра во главе с В. Голубовичем и президиум Рады решили дело, которое затем имело большие последствия для истории Украины»²⁷.

Ход дебатов на заседаниях 12 и 13 февраля кратко освещён в сохранившейся протокольной записи. В протоколе от 12 февраля отмечены всего два выступления – Порша и Ткаченко. Порш предложил сообщить в Брест о царящей в Украине анархии и о «роли Антанты» (очевидно, в подготовке советской интервенции), напомнил, что помощь лучше получить – «по возможности» – украинскими полками (плюс техническая поддержка). Ткаченко подчеркнул невозможность быстрой «переброски с Итальянского фронта» (украинских частей в составе армии Австро-Венгрии), призвал «немедленно выяснить, какие именно силы [...] необходимы, на каких условиях», указал на опасность недовольства фронта в связи с появлением в Украине на правах союзников недавних врагов, в этой связи высказался за то, чтобы «дать большевизму умереть собственной смертью, подождать, пока народ снова не обратится к нам, а тем временем формировать [собственное] новое войско». Очевидно, аргументы Ткаченко привели к смене темы – министры переключились на обсуждение предложения С. Петлюры о создании временной ударной части численностью в 3 тыс. бойцов. В пользу внешней помощи выступили Сидоренко, Порш и (несмотря на свои опасения) Ткаченко. При одном воздержавшемся (Голубович? Жуковский?) СНМ проголосовал «за введение немцев». На заседании 13 февраля Грушевский предложил добиться от «немцев», чтобы они «поставили большевикам ультиматум вывести войско из Украины» (как альтернатива военной помощи). Затем обсуждали содержание ноты, которую следовало направить в Брест²⁸.

Министры УНР боялись спровоцировать возмущение фронта. М. Грушевский упоминает ещё одно опасение – «вступление немецких войск [могло] [...] вызвать тревогу и недовольство широких кругов населения, [прежде всего] среди крестьянства – этой главной базы украинского государства»²⁹. У Грушевского был личный мотив для переживаний: созданный российской пропагандой образ «платного немецкого агента» мог получить теперь очевидное подтверждение³⁰.

В то же время министры УНР рассчитывали на понимание населения, страдавшего от безвластия и террора экстремистов. Поэтому

была отвергнута выжидательная позиция – «ждать [...] пока переговорит большевистская зараза и вызовет такую сильную и организованную реакцию среди самого украинского общества, чтобы на нее можно было опереться украинской власти»³¹. Другой стимул создавало, вполне вероятно, недоверие, которое руководство УНР испытывало по отношению к командованию собственной армии: лидеры Рады и правительства опасались организации военными контрреволюционного переворота³². Наконец, руководители УНР считали, что у них просто нет выбора. На допросе в 1921 г. В.Голубович, обвиняемый по делу УПСР, заявил: «Еще до конца переговоров [...] немцы по собственной инициативе начали занимать территорию Украины. По моему мнению, даже если бы переговоры [о военной помощи] и не велись, предотвратить интервенцию было бы невозможно, их к тому подталкивал голод, однако тогда бы их выступление носило бы характер оккупационно-карательной экспедиции»³³.

Свои сомнения лидеры УНР успокоили мыслью, что у «немцев» накануне решающих боев на Западе на счету каждый солдат, и поэтому они не станут задерживаться в Украине, действительно уйдут, как только Рада пожелает³⁴.

Неясно, какие собственно указания получили представители УНР в Бресте. Любинский утверждал, что речь шла о продвижении германских войск не по всей территории Украины, а только вдоль её границы с Россией («на севере тонкой линией»); в Украине же должны были действовать сечевые стрельцы³⁵. По воспоминаниям П. Христюка, руководство УНР добавило в эту формулу принципиально важную оговорку – «по возможности»³⁶. Таким образом, правительство УНР заранее одобрило любое решение Центральных держав, полностью уступая им инициативу.

12 февраля мирная делегация УНР, вероятно, информировала представителей Германии о решении своего правительства (позже в официальном заявлении к населению председателя СНМ УНР В. Голубовича говорилось: «правительство через свою мирную делегацию обратилось 12 февраля сего года к немецкому народу за помощью против грабителей»³⁷).

13 февраля Севрюк сообщил в Вену о том, что получил от своего правительства «точные и определённые инструкции», требующие от

него добиваться безотлагательного оказания помощи, и был приглашён в столицу Австро-Венгрии для обсуждения вопроса с высшим гражданским и военным руководством монархии³⁸.

Тогда же 13 февраля германское руководство собралось на совещание, посвященное вопросу о наступлении на Восточном фронте. Победило мнение сторонников наступления. Император Вильгельм II поручил сотрудникам МИД к 18 февраля (дата начала наступления) добиться от украинской стороны документального подтверждения призыва к военному вмешательству³⁹.

Вероятно, 15 февраля Севрюк и Зализняк связались по телеграфу с Любинским. Последний кратко сообщил Севрюку, что вынужден уже в этот день подписать предложенное ему Гофманом воззвание к немецкому народу о помощи для Украины против большевиков. Поэтому он просил Севрюка немедленно приехать в Брест. Как выяснилось, генерал Гофман [...] принес Любинскому текст возвания о помощи и сказал ему, что воззвание уже печатается в Берлине и что он должен подписать его. Любинскому ничего не оставалось в той ситуации, в которой он находился, и он подписал воззвание⁴⁰. Любинский в свою очередь отмечал: «Наконец, когда окончательно выяснилось, что будет наступление на большевистском фронте (со стороны немцев), Гофман уже повёл откровенный разговор о том, что он не может сделать этого необходимого для него шага, не обеспечив себе правый фланг [...]. Разговоры начинали приобретать серьёзный и напряжённый характер. Мы уже согласились на то, чтобы в дивизиях из военнопленных, особенно в артиллерии, были немецкие инструктора (которые якобы должны временно принять украинское подданство). Теперь обстоятельства заставляли нас сделать другой ещё более опасный шаг – пустить самих немцев на нашу землю, по меньшей мере узкой дорожкой нашей северной границы. А Гофман вёл свои недвусмысленные разговоры дальше, и в его словах уже очень выразительно звучала мысль: «если не согласитесь добровольно, то я пойду на свою ответственность»⁴¹.

Любинский поставил подпись от своего имени и от имени своих отсутствовавших в Бресте коллег по делегации Левитского и Севрюка. Документ был подписан 15 февраля⁴², и в тот же день его доставили в Берлин⁴³. 15 февраля была выпущена директива командова-

ния германского Восточного фронта о наступлении в Украине⁴⁴.

Обращение «К немецкому народу», подписанное Любинским 15 февраля, отражало стремление руководства УНР получить помощь в компромиссном варианте. Обращение призывало «свободолюбивый и дисциплинированный немецкий народ» помочь Украине отстоять обретенную независимость и начатые социальные реформы в борьбе против «проникающего с севера хаоса»; помощь должна была выражаться в продвижении германских войск вдоль северной границы Украины. Обращение «К народам Австро-Венгрии» дословно повторяло текст обращения к немецкому народу, кроме двух последних абзацев, где говорилось о форме ожидаемой помощи – частями из военнопленных и австрийских украинцев⁴⁵.

Неясным остается авторство документа. Любинский отмечал в воспоминаниях, что перед отъездом Севрюка в Вену члены делегации собрались на совещание и составили тексты этих воззваний к народам Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии; уже после начала германского наступления в Украине текст обращения к народу Германии был передан «в руки немецкого дипломата». На судебном процессе по делу УПСР (май 1921 г.) Н. Остапенко, советник делегации УНР в Бресте по экономическим вопросам, показал, что обращение к германскому народу было написано под диктовку генерала Гофмана⁴⁶. Вероятно, члены делегации передали представителю Германии подготовленный ими текст без подписей (до совещания в Гамбурге) и затем Любинский получил его обратно от Гофмана, чтобы поставить подпись и тем самым придать силу официального документа. Христюк признался, что СНМ получил текст воззвания уже после появления в Украине германских войск от германского правительства⁴⁷.

16 февраля германское верховное командование официально уведомило МИД Германии о своей готовности к проведению операции в Украине⁴⁸. В тот же день⁴⁹ Любинский подписал обращение «К народам Австро-Венгрии»⁵⁰. 16 февраля подполковник Энгелин, командированный к правительству УНР, сообщил германскому верховному командованию, что украинская армия действительно не сможет выстоять самостоятельно и что помощь требуется без промедления⁵¹. 17 февраля обращение «К немецкому народу» было опубликовано в германской прессе⁵².

18 февраля в полдень подразделения германской армии начали продвижение восточнее линии Львов – Пинск⁵³, 19 февраля в Новоград-Волынском соединились с войсками УНР⁵⁴. Операция в Украине была частью общего наступления на Восточном фронте. Целью наступления на Украину, согласно приказу командования германского Восточного фронта (19 февраля 1918 г.), являлось «возвращение к власти Центральной Рады, восстановление в стране спокойствия и порядка и начало торговых отношений»⁵⁵.

Руководство Австро-Венгрии решилось на участие в «украинской акции» после колебаний. Австро-Венгрия очень нуждалась в продовольствии. 16 февраля начальник Генерального штаба А. Арц фон Штрауссенбург сообщил министру иностранных дел, что считает целесообразным поддержать германское наступление в Украине. 17 февраля командование 4-й армии получило приказ выделить в отдельный отряд и готовить к наступлению вместе с германскими войсками 12-ю стрелковую дивизию и одну батарею⁵⁶. Чернин надеялся в качестве компенсации получить уступки УНР в вопросе о Холмщине. Это позволило бы монархии снизить напряженность в отношениях с поляками, крайне недовольными признанием суверенитета УНР⁵⁷.

18 февраля в Вене Севрюк и Визнер подписали особый протокол, закреплявший обязательство Центральных держав направить в Украину свои вооруженные силы. Протокол в ясных выражениях допускал ввод в Украину собственно австрийских войск: «Просьба украинской стороны о военной помощи будет принята союзниками. Австро-венгерские вооруженные силы, которые будут высланы со своих нынешних позиций в область Украинской Народной Республики, будут возвращены на их сегодняшние позиции, как только правительство Рады изъявит на то свое желание»⁵⁸. Однако на этом дело приостановилось – император Карл отказался дать свою санкцию. Как позже вспоминал Людендорф, император-король не рискнул «разочаровывать народ тем, что мир с Россией не состоялся»⁵⁹. Повлияло также мнение австрийского премьера Э.Зейдлера, которого беспокоила реакция парламента – социал-демократы могли сорвать принятие бюджета⁶⁰. Вёрховное командование, в свою очередь, учитывало препятствия организационного и идеологического характера (меморандум Арца от 17 февраля): весенняя распутица, нехват-

ка транспорта для доставки частей от границы до богатых хлебом районов, опасность воздействия на войска леворадикальной агитации⁶¹.

Уже после того, как германские войска перешли в наступление, представители украинской советской республики заявили в Бресте о готовности своего правительства, в случае признания его со стороны Центральных держав, взять на себя выполнение экспортных обязательств УНР. В Вене к этому заявлению отнеслись со вниманием. При таком варианте не надо было оказывать помощь УНР, тогда как все преимущества заключенных с ней соглашений сохранялись. После нескольких дней раздумий этот проект все же отвергли – германские войска уже приближались к Киеву, занимать позицию, в корне отличавшуюся от позиции Германии, для Австро-Венгрии было поздно⁶².

В начале 20-х чисел февраля руководство Австро-Венгрии все же решило направить свои войска в Украину. Было важно разделить с Германией контроль над вывозом продовольствия, избежать зависимости от нее в этой сфере. Кроме того, свою роль сыграло давление со стороны германского верховного командования, которое считало свои силы недостаточными, чтобы взять под контроль всю Украину. Наконец, австрийских генералов весьма ободрило сравнительно слабое сопротивление, оказанное противником германским войскам в Украине⁶³.

21 февраля в Берлине представители Австро-Венгрии и Германии подписали договор о согласовании политических акций в отношении стран Восточной Европы⁶⁴. В тот же день австро-венгерское верховное командование окончательно решилось присоединиться к наступлению в Украине⁶⁵.

Германское наступление изменило ситуацию на фронте против советских войск. Теперь в помощи извне нуждалась терпевшая поражения советская Россия. 22 февраля в Петрограде ЦК РСДРП(б), заслушав сообщение Троцкого о предложении Англии и Франции оказать содействие России в войне с Германией, принял резолюцию, допускавшую привлечение сил одних империалистических держав для отражения антисоветской агрессии других. В. Ленин, не присутствовавший на заседании, передал в ЦК записку с просьбой присоединить его голос «за взятие картошки и оружия у разбойников англо-французского империализма»⁶⁶.

24 февраля был издан приказ о переходе австро-венгерских войск в наступление в Украине⁶⁷. Среди наступающих войск был Легион сечевых стрельцов⁶⁸.

19 февраля дивизия, образованная в Германии из военнопленных («синезупанников» – по цвету формы), была отправлена в Украину. В середине февраля комплектовать аналогичную часть начала Австро-Венгрия⁶⁹.

Обращения и протокол от 18 февраля 1918 г. составили правовую основу военного присутствия Центральных держав в Украине. До ввода войск, признавал П. Христюк, «не было сделано ничего для того, чтобы оформить немецкую «помощь» в какой-нибудь договор или соглашение»⁷⁰. На заседании СНМ 9 марта 1918 г. на вопросы о границах продвижения германских войск, их численности, планах их командования и предполагаемой компенсации Германии за помощь Севрюк не ответил ничего определенного⁷¹. Данные о существовании заключенной в феврале военной конвенции⁷² надо признать ошибочными.

Стоит еще раз напомнить, что в мирном договоре УНР со странами Четвертного союза (9 февраля 1918 г.) о военной помощи не было ни слова – не следует путать собственно Брестский мир с подписанным в Вене 18 февраля протоколом.

Отметим также, что вопреки до сих пор бытующему мнению предоставление военной помощи юридически не было увязано с поставками продовольствия. Согласно протоколу от 18 февраля в обмен на военную помощь представитель УНР от её имени соглашался на уступки в вопросе о Холмщине и передавал на хранение «в надежное место» (был передан в Берлин) свой экземпляр тайного украинско-австрийского соглашения от 9 февраля 1918 г. (подписано сразу после мирного договора) о выделении Буковины и Восточной Галиции в отдельную административную единицу в составе Австро-Венгрии⁷³. Экспортные обязательства УНР перед Четвертным союзом (не менее 1 млн т зерна в порядке товарообмена) имели другие гарантии: в зависимости от их выполнения была поставлена ратификация державами союза мирного договора с УНР (протокол, подписанный Визнером и Севрюком в Бресте 7 февраля 1918 г.)⁷⁴.

Дальнейшее изучение проблемы связано с поиском архивных документов (в частности, текстов переговоров по телеграфу между де-

легацией УНР в Бресте и СНМ УНР, которые, возможно, сохранились в ЦГАВОВУ Украины), рассмотрением других аспектов темы (прежде всего сложного вопроса о мотивах решения германского руководства ввести свои войска в Украину).

Примечания

¹Тинченко Я. Перша українсько-більшовицька війна (грудень 1917 – березень 1918 р.). – К.; Л., 1996. – С. 331–343.

²Borowsky P. Deutsche Ukrainepolitik 1918 (unter besonderer Berücksichtigung der Wirtschaftsfragen). – Lübeck-Hamburg, 1970; Bihl W. Österreich-Ungarn und die Friedensschlüsse von Brest-Litovsk. – Wien; Koeln; Graz, 1970; Fedyshyn O. Germany's Drive to the East and the Ukrainian Revolution 1917–1918. – New Brunswick, 1971; Притуляк П. П. Політика Центральної Ради щодо війни, укладення і реалізації Брестського мирного договору (березень 1917 – квітень 1918 рр.). – Дис... канд. іст. наук: 07.05.01. – К., 1999; Коваль В. В. Брест-Литовська конференція 1918 р.: діяльність делегації УНР по укладенню мирного договору з державами Четверного союзу. – Дис... канд. іст. наук: 07.06.02. – К., 2002.

³Аннотированный библиографический обзор см.: Jodeit K. Literaturschau zum Frieden von Brest-Litovsk (9.2 und 3.3) // Jahresbibliographie der Bibliothek fuer Zeitgeschichte. – 1963. – № 33. – S. 567–588; также: Broucek P. Ein General im Zwerilicht. Die Erinnerungen Edmund Glaise von Horstenau. – Wien; Koeln; Graz, ... – Bd. 2.

⁴Любинський М. Як прийшли німці // Літ.-наук. вісн. – 1918. – № 12. – С. 205–206; Севрюк О. Берестейський мир (Уривки із споминів) // Берестейський мир: Спомини та матеріали; Зладив і попередив вступом І. Кедрин. – Л.; К., 1928. – С. 160.

⁵Вировий В. Центральна Рада у боротьбі за підписання Брестського миру / В. Вировий, П. Притуляк // Політол. читання. – 1995. – № 2. – С. 183–184; Любинський М. Зазн. вид. – С. 206.

⁶Севрюк О. Галичина в Берестейських перегомах // Іст. календар-альманах «Червоної Калини» на 1939 рік. – Л., 1938. – С. 68.

⁷Греків О. Весна 1918 р. в Україні // За державність. – Торонто, 1964. – 36. 10. – С. 24.

⁸Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапальского договора: Сб. документов. – М., 1968. – Т. 1. (1917–1918). – С. 279.

⁹Ereignisse in der Ukraine 1914–1922, deren Bedeutung und historische Hintergruende / Hg. v. T. Hornykiewicz. – Philadelphia, 1967. – Bd 2.–

S. 211–212; *Севрюк О.* Підписання берестейського договору // Іст. календар-альманах «Червоної Калини» на 1939 рік. – Л., 1938. – С. 59–61.

¹⁰*Любинський М.* Зазн. вид. – С. 207; *Залізник М.* Моя участь... – С. 136.

¹¹Там же.

¹²Ereignisse in der Ukraine... – S. 277.

¹³*Любинський М.* Зазн. вид. – С. 207; *Залізник М.* Зазн. вид. – С. 136–137; Лист Ф. Візнера до О. Севрюка, 10 лютого 1918 р. // Берестейський мир... – 1928. – С. 160.

¹⁴*Любинський М.* Зазн. вид. – С. 207; *Притуляк П. П.* Політика... – С. 109; *Залізник М.* Зазн. вид. – С. 136–138.

¹⁵Ereignisse in der Ukraine... – S. 279.

¹⁶*Васецкий Н. А.* Троцкий: Опыт политической биографии. – М., 1992. – С. 104.

¹⁷Советско-германские отношения... – С. 318–329; *Fischer F.* Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914–1918. – Düsseldorf, 1967. – S. 441–442; *Kuhlman R.* Erinnerungen. – Heidelberg, 1948. – S. 546–549; *Людendorф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. – М., 1924. – Т. 2. – С. 131–134; *Fedyshyn O.* Op. cit. – P. 88; *Borowsky P.* Op. cit. – S. 63–65; *Hoffmann M.* Die Aufzeichnungen des Generals Max Hoffmann. – Berlin, 1929. – S. 214–215, 217; *Baumgart W.* Die deutsche Ostpolitik im Sommer 1918 zwischen Brest-Litovsk und Copieigne. – Wien; Muenchen, 1966. – S. 23–26.

¹⁸Советско-германские отношения... – С. 318.

¹⁹*Любинський М.* Зазн. вид. – С. 210.

²⁰Там же. – С. 211.

²¹Ereignisse in der Ukraine... – S. 277.

²²*Залізник М.* Зазн. вид. – С. 137–138.

²³*Любинський М.* Зазн. вид. – С. 211.

²⁴Там же.

²⁵Українська Центральна Рада. Документи і матеріали: У 2 т. – К., 1997. – Т. 2: 10 грудня 1917 р. – 29 квітня 1918 р. – С. 153–155.

²⁶Там же. – С. 155–156.

²⁷*Шатовал М.* Велика революція і українська визвольна програма. – Прага, 1928. – С. 111.

²⁸Українська Центральна Рада. Документи і матеріали: У 2 т. – К., 1997. – Т. 2. – 10 грудня 1917 р. – 29 квітня 1918 р. – С. 153–155.

²⁹*Грушевський М.* Новий період історії України за роки від 1914 до 1919. – К., 1992. – С. 36.

³⁰*Севрюк О.* Берестейський мир... – С. 160.

³¹*Грушевський М.* Зазн. вид. – С. 36.

³²Голубко В. Армія Української Народної Республіки 1917–1918. Утворення та боротьба за державність. – Л., 1997. – С. 181.

³³Болабольченко А. Всеволод Голубович і справа УПСР. – К., 1993. – С. 11.

³⁴Христюк П. Замітки і матеріали до історії української революції 1917–1920. – Відень, 1921. – Т. 2. – С. 141.

³⁵Любинський М. Зазн. вид. – С. 211–212.

³⁶Христюк П. Зазн. вид. – С. 139.

³⁷Заява Голови Ради Народних Міністрів В. А. Голубовича // Чого прийшли німці на Україну? Офіційні повідомлення, думки, розмови. – К., 1918. – С. 7; Велика українська революція (Матеріали до історії відновлення української державності). Календар історичних подій за лютий 1917 р. – березень 1918 р. Упоряд. Я. Зогуля. – 2-ге вид. – Нью-Йорк, 1967; *Reshetar I. S. The Ukrainian Revolution, 1917–1920. A study in nationalism.* – N. Y., 1972. – P. 117–118.

³⁸Ereignisse in der Ukraine... – S. 277–279.

³⁹Текст протокола засідання см.: Советско-германские отношения... – С. 322–329.

⁴⁰Залізняка М. Моя участь... – С. 139.

⁴¹Любинський М. Як прийшли німці... – С. 210.

⁴²*Fedyshyn O. Op. cit.* – P. 89; *Groener W. Lebenserinnerung. Jugend, Generalstab. Weltkrieg.* – Göttingen, 1957. – S. 85–386.

⁴³*Borowsky P. Op. cit.* – S. 65; *Fischer F. Griff nach der Weltmacht...* – S. 474.

⁴⁴*Groener W. Lebenserinnerung...* – S. 386; *Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Die Kriegsführung im Sommer und Herbst 1917. Die Ereignisse ausserhalb der Westfront bis November 1918.* – Berlin, 1942. – Bd. 13. – S. 375.

⁴⁵Нем. тексти см.: *Ereignisse in der Ukraine...* – S. 279–281.; укр. тексти см.: Любинський М. Зазн. вид. – С. 212–214; Христюк П. Зазн. вид. – С. 139–140; *Нагаєвський І. Історія Української держави двадцятого століття.* – К., 1993. – С. 106–107.

⁴⁶*Никольников Г. Л. Брестский мир и Украина.* – К., 1981. – С. 49.

⁴⁷Христюк П. Зазн. вид. – С. 139.

⁴⁸*Fedyshyn O. Op. cit.* – P. 88–89.

⁴⁹*Borowsky P. Op. cit.* – S. 65; *Bihl W.-D. Der Friede von Brest-Litovsk und die Folgen // Oesterreichische Militaerische Zeitschrift.* – 1968. – № 6. – S. 384; *Bihl W.-D. Österreich-Ungarn und die Krim 1918 // Archiv für österreichische Geschichte.* – 1966. – № 125. – S. 291; *Krauss A. Die Besetzung der Ukraine 1918 / A. Krauss, F. Klingebrunner // H. Kerchnawe, R. Mitzka, F. Sobotka u.a. Militaerverwaltung in den von oesterreichisch-ungarischen Truppen besetzten Gebieten.* – Wien, 1928. – S. 363.

⁵⁰Ereignisse in der Ukraine... – S. 281.

⁵¹Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Die Kriegsfuehrung im Sommer und Herbst 1917. Die Ereignisse ausserhalb der Westfront... – S. 374.

⁵²*Borowsky P.* Op. cit. – S. 65.

⁵³Arz von Straussenburg A. Zur Geschichte des Grossen Kriegs 1914–1918. – Wien, Leipzig, Muenchen, 1924. – S. 34; Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Die Kriegsfuehrung im Sommer und Herbst 1917. Die Ereignisse ausserhalb der Westfront... – S. 376.

⁵⁴*Голубко В.* Зазн. вид. – С. 180.

⁵⁵er Weltkrieg 1914 bis 1918. Die Kriegsfuehrung im Sommer und Herbst 1917. Die Ereignisse ausserhalb der Westfront... – S. 376.

⁵⁶Arz von Straussenburg A. Zur Geschichte des Grossen Kriegs... – S. 234, 238.

⁵⁷*Ibid.* – S. 234–235.

⁵⁸Ereignisse in der Ukraine... – S. 286–287; Українська Центральна Рада. Документи і матеріали... – С. 156.

⁵⁹*Людендорф Э.* Зазн. вид. – Т. 2. – С. 137.

⁶⁰Arz von Straussenburg A. Zur Geschichte des Grossen Kriegs... – S. 235.

⁶¹*Петров В.* Непокорившиися кайзеровському нашествию. – М., 1988. – С. 35.

⁶²*Каменецький І.* Німецька політика супроти України в 1918 році та її історична генеза // Укр. історик. – 1969. – № 1–3. – С. 16.

⁶³*Glaise-Horstenau E.* Die Katastrophe. Die Zertruemmerung Oesterreich-Ungarn und das Werden der Nachfolgstaaten. – Zuerich, Leipzig, Wien, 1929. – S. 153–154; *Broucek P.* Op. cit. – S. 460.

⁶⁴*Borowsky P.* Op. cit. – S. 67–69.

⁶⁵*Krauss A.* Op. cit. – S. 364.

⁶⁶Деятельность Центрального Комитета партии в документах (события – факты) // Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 2. – С. 188.

⁶⁷*Groener W.* Tagebuch und Aufzeichnungen // Von Brest-Litovsk zur deutschen Novemberrevolution. Aus Tagebuechern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman. Maerz bis November 1918. – Goettingen, 1971. – S. 261

⁶⁸*Думін О.* Історія Легіону Українських Січових Стрільців 1914–1918 // Дзвін. – 1992. – № 9/10. – С. 119.

⁶⁹*Патер І.* Союз визволення України та українське питання в політиці Центральних держав 1914–1918 рр. // Україна: Культурна спадщина, національна свідомість, державність. – Л., 1997. – № 3/4. – С. 34–41; *Bihl W.-D.* Einige Aspekte der oesterreichisch-ungarischen Ruthenenpolitik 1914–1918 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. – 1966. – 14. – S. 549–550; *Голубко В.* Армія Української Народної Республіки 1917–1918... – С. 192.

⁷⁰Христюк П. Замітки і матеріали... – С. 140.

⁷¹Українська Центральна Рада. Документи і матеріали... – С. 187.

⁷²Stachiv M. Перша советська республіка в Україні. Нарис історії російської агресії та конституційного розвитку советської влади під час першої частинної окупації України. – Нью-Йорк, Філадельфія, 1956. – С. 71; Держалюк М. С. Міжнародне становище України та її визвольна боротьба у 1917–1922 рр. – К., 1998. – С. 43–44.

⁷³Ereignisse in der Ukraine... – S. 286–287.

⁷⁴Ibid. – S. 208–209.

Падійшла до редклегії 15.03.05

Є. І. Яценко

Дніпропетровський національний університет

**РАДЯНСЬКО-НІМЕЦЬКІ ЗОВНІШНЬОПОЛІТИЧНІ
ВІДНОСИНИ У 1918–1922 РР.
ТА ЇХ ВПЛИВ НА СТАНОВИЩЕ
НІМЕЦЬКОГО НАСЕЛЕННЯ УКРАЇНИ**

Проаналізовано положення німецького населення Юга України в умовах проведення советської властью комплексу мер по укріпленню своїх позицій на селі. Показано, що именно эта політика привела німецькі села к глибокому хозяйственному кризису, ставшему в начале 30 гг. причиною массового голода.

В сучасних умовах, коли Україна ще знаходиться в стадії визначення як стосовно курсу внутрішньої політики, так і зовнішньополітичних орієнтирів, коли в нашій країні ще формується філософія зовнішньої політики, актуальним є питання досвіду взаємовідносин України з іншими державами, зокрема з Німеччиною, у той чи інший історичний період.

Особливо важливим вивчення цієї проблеми постає у переломні моменти історії, наприклад у період революційних потрясінь. Тому хронологічні межі даної статі охоплюють період від 1918 р. до